

РАССМОТРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Рустамзаде Айхан Ханкиши оглы,
*заведующий кафедрой «Правоведение»
Национальной Академии Авиации Азербайджана,
доктор юридических наук*

Алиев Ильхам Малик оглы,
*ведущий научный сотрудник Института
Права и Прав Человека НАН Азербайджана,
доктор философии по юриспруденции*

Рустамзаде А.Х., Алиев И.М., Рассмотрение искусственного интеллекта через призму правосубъектности

В статье отмечается, что сегодня общемировой проблемой является практически полное отсутствие нормативно-правового регулирования функционирования и деятельности искусственного интеллекта, и стандартизация в этой сфере должна быть осуществлена на глобальном уровне. Однако мировое сообщество только начинает осознавать реальные и потенциальные нюансы влияния полностью автоматизированных систем на жизненно важные области социальных отношений, на рост связанных с данной тенденцией этических, социальных и правовых проблем. Авторами ставится вопрос о том, кто непосредственно будет нести ответственность за реализованное неправильное решение, предложенное «искусственным интеллектом» и предлагаются различные варианты ответа на него. Только сознательный субъект может нести ответственность, а поскольку слабые системы не обладают автономией, то на них, т.е. на искусственный интеллект, нельзя возложить ответственность. Меры юридической ответственности фактически неприменимы к нему, например, элементарно вследствие невозможности искусственного интеллекта осознавать результаты своих вредных действий.

В заключении доказывається, що при всем своем развитии и скорости обработки информации, в разы превосходящей даже потенциальные возможности человека, искусственный интеллект остается программой с привязанным к ней материально-техническим обеспечением. Только человек ответствен за действия механизмов, подвергается проверке на прочность. Что же касается непосредственной ответственности искусственного интеллекта, то в нынешних правовых и социальных условиях вопрос о его гипотетической ответственности, носит тупиковый характер, поскольку меры юридической ответственности просто неприменимы к нему. Даже если искусственный интеллект может симулировать человеческий интеллект, он не будет обладать самосознанием, и следовательно искусственный интеллект никоим образом не может претендовать на особые фундаментальные права.

Ключевые слова: правовое регулирование, искусственный интеллект, мышление человека, компьютерный алгоритм, робототехника, правосубъектность, самосознание, статус личности.

Рустамзаде А.Х., Алиев И.М. Розгляд штучного інтелекту через призму правосуб'єктності.

У статті наголошується, що сьогодні загальносвітовою проблемою є практично повна відсутність нормативно-правового регулювання функціонування і діяльності штучного інтелекту, і стандартизація в цій сфері повинна бути здійснена на глобальному рівні. Однак світова спільнота тільки починає усвідомлювати реальні і потенційні нюанси впливу повністю автоматизованих систем на життєво важливі галузі соціальних відносин, на зростання пов'язаних з даною тенденцією етичних, соціальних і правових проблем. Авторами ставиться питання про те, хто безпосередньо буде нести відповідальність за реалізоване неправильне рішення, запропоноване «штучним інтелектом» і пропонуються різні варіанти відповіді на нього. Лише свідомий суб'єкт може нести відповідальність, а оскільки слабкі системи не володіють автономією, то на них, тобто на штучний інтелект, не можна покласти відповідальність. Заходи юридичної відповідальності фактично не можуть бути застосовані до нього, наприклад, елементарно внаслідок неможливості штучного інтелекту усвідомлювати результати своїх шкідливих дій.

У висновку доводиться, що при всьому своєму розвитку і швидкості обробки інформації, яка в рази перевершує навіть потенційні можливості людини, штучний інтелект залишається програмою з прив'язаним до неї матеріально-технічним забезпеченням. Тільки людина відповідальна за дії механізмів, піддається перевірці на міцність. Що ж стосується безпосередньої відповідальності штучного інтелекту, то в нинішніх правових і соціальних умовах питання про його гіпотетичну відповідальність, носить тупиковий характер, оскільки заходи юридичної відповідальності просто незастосовні до нього. Навіть якщо штучний інтелект може симулювати людський інтелект, він не буде мати самосвідомість, і отже штучний інтелект жодним чином не може претендувати на особливі фундаментальні права.

Ключові слова: правове регулювання, штучний інтелект, мислення людини, комп'ютерний алгоритм, робототехніка, правосуб'єктність, самосвідомість, статус особистості.

Rustamzade A.H., Aliyev I.M. Consideration of artificial intelligence through the prism of legal personality.

The article notes that today the global problem is the almost complete absence of normative legal regulation of the functioning and activities of artificial intelligence and standardization in this area should be implemented at the global level. However, the world community is just beginning to realize the real and potential nuances of the influence of fully automated systems on vital areas of social relations, on the growth of ethical, social and legal problems associated with this trend. The authors poses the question of who will directly be responsible for the wrong decision implemented in life proposed by «artificial intelligence» and various options for answering it are proposed. Only a conscious subject can be the subject of responsibility, and since weak systems do not have autonomy, on them, i.e. artificial intelligence cannot be blamed. Measures of legal liability are simply not applicable to it, for example, the elementary impossibility of artificial intelligence to recognize the consequences of its harmful actions.

In conclusion, it is proved that with all its development and the speed of information processing, many times exceeding even the potential capabilities of a person, artificial intelligence remains a program with material and technical support tied to it. Only a person is responsible for the actions of mechanisms, is tested for strength. As for the direct responsibility of artificial intelligence, in the current legal and social conditions, the question of its hypothetical responsibility is of a dead-end nature, since the measures of legal responsibility are simply inapplicable to it, for example, it is elementary for artificial intelligence to realize the consequences of its harmful actions. Even if artificial intelligence can simulate human intelligence, it will not be self-aware, and therefore artificial intelligence can in no way claim any special fundamental rights.

Keywords: legal regulation, artificial intelligence, human thinking, computer algorithm, robotics, legal personality, self-awareness, personality status.

Постановка проблеми. В современный период происходят значимые интенсивные модификации, связанные с объективным участием робототехники в экономике и ориентированные на внедрение искусственного интеллекта в общественную жизнь. Однако мировое сообщество только начинает осознавать реальные и потенциальные нюансы влияния полностью автоматизированных систем на жизненно важные области социальных отношений, на рост связанных с данной тенденцией этических, социальных и правовых проблем. При этом общемировой сегодня является проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта. Лишь отдельные государства понемногу начинают заполнять нормативным материалом отдельные пустоты этого, в целом пробельного поля, но рассматриваемая проблема не связана рамками национального государства. Поэтому и стандартизация в этой сфере должна быть осуществлена, прежде всего, на глобальном уровне.

Анализ последних исследований и публикаций. Можно без особого преувеличения сказать: с точки зрения юридической науки, проблематика искусственного интеллекта в Азербайджане практически не исследована. Это обусловлено, на наш взгляд, относительной новизной общественных отношений, связанных с использованием роботов и искусственного интеллекта, а также относительно низким их практическим использованием. Как следствие, фундаментальных исследований по данной теме нет, а большинство правовых публикаций либо являются публицистическими, либо посвящены отдельным правовым проблемам, возникающим в разных отраслях права в связи с развитием робототехники и искусственного интеллекта. В целом можно отметить работы таких ученых, как: Бостром Н., Гришин Д., Люгер Дж.Ф., Панов О.В., Уинстон П.Г., Ясницкий Л.Н. и др.

Целью и заданием статьи есть исследование правовых аспектов связанных с искусственным интеллектом, анализ научных трудов в этой сфере и формирование собственных выводов относительно возможности наделения искусственного интеллекта признаками правосубъектности.

Изложение основного материала исследования. В целом, принято считать, что искусственный интеллект связан с созданием и функционированием запрограммированных машин, потенциально способных делать и делающих то, что требует определённой степени разума (интеллект), разумность. Сложности выработки общеупотребительной исчерпывающе точной и однозначной дефиниции искусственного интеллекта определяются, в числе прочего, и тем, что предметно-объектная область работы специалистов в сфере искусственного интеллекта находится на стыке разнообразных научных и профессиональных отраслей и дисциплин: компьютерного программирования и психологии, техники и лингвистики, математики и нейрофизиологии, биоэтики и философии, то есть каждый специалист в своей области даёт определение, что называется – «со своей колокольни».

Основная сложность разработки точного и универсального определения понятия искусственного интеллекта усугубляется тем, что отсутствует универсальное понимание того, что представляет собой интеллект вообще. Как отмечает О.В. Панов, искусственный интеллект создаётся «по образу и подобию естественного интеллекта» [1, с. 108]. Вопрос дефиниции понятия «искусственный интеллект», как обоснованно утверждает Джордж Люгер, сводится к вопросу общего определения понятия «интеллект» [2, с. 27]. При этом важно отметить, что заставить компьютеры (вычислительные машины) быть разумными – это, по словам Патрика Генри Уинстона, далеко не то же самое, что заставить вычислительные машины моделировать интеллект [3, с. 14]. В свою очередь, Ник Бостром отмечает, что и понятие «качество интеллекта» является весьма размытым [4, с. 103].

По мнению некоторых авторов, разработка искусственного интеллекта и его использование для уяснения центральных вопросов и возможностей естественного интеллекта представляет собой существенное дополнение к традиционным методам психологии, философии и лингвистики, то есть понимание искусственного интеллекта – это, не в последнюю очередь, путь изучения интеллекта естественного. Поэтому ряд психологов работает в сфере искусственного интеллекта в силу своего стремления лучше понять природу и процессы мышления человека в части обработки информации [3, с. 13, 24]. Подходы к определению понятия «искусственный интеллект», основанные на человеческом мышлении и поведении, отчасти являются эмпирическими, поскольку в их рамках осуществляются наблюдения за человеческим поведением. Человек является самым сложным из доступных для нашего восприятия объектов, а способность мышления – его главным свойством [5, с. 6]. И на сегодняшний день человеческий интеллект не имеет аналогов в биологическом мире и, тем более, искусственном мире, так как обладает целым рядом уникальных способностей, что делает выбор именно его для определения прогресса искусственного интеллекта вполне обоснованным и логичным. При этом, в лице человека мы имеем дело с наиболее «чёрным» из «чёрных ящиков» [6, с. 660].

Учеными обоснованно указывается, что «искусственный интеллект – это новое явление, которое по ряду позиций недостаточно изучено. Искусственный интеллект отличается от обычных компьютерных алгоритмов тем, что он способен обучать себя на основе накопленного опыта. Эта уникальная функция позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. Поэтому в большинстве случаев эффективность и потенциал искусственного интеллекта довольно неясны». Устоявшегося общепризнанного определения понятия «искусственный интеллект» сегодня не существует. Согласно авторскому определению И.В. Понкина и А.И. Редкиной, искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно-доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых ёмкостей и быстродействия [7, с. 94].

Искусственный интеллект рассматривается, как способ научить машину думать и действовать как человек, искусственный интеллект не является отдельным от человеческого мышления понятием. Человек является мерой успешности машин. Цель – сделать как человек или лучше. С правовой точки зрения статус искусственного интеллекта пока не определен, а, следовательно, не определена и принадлежность произведенного им продукта, а главное – ответственность за решения, принятые с его использованием. И эта проблема стоит не только в Азербайджане, но и во всем мире. Стоит отдельно отметить, что в связи со вступлением Азербайджана в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, возлагающей на Азербайджанскую Республику соответствующие международно-правовые обязательства, стали активно обсуждаться проблемы обеспечения доступности правосудия в нашей стране.

Обеспечение конституционного принципа доступа к правосудию в настоящий момент невозможно представить без использования интернет-технологий. Формирование новых инструментов с использованием интернет-связи в обеспечении судопроизводства способствует успешной реализации принципа обеспечения права граждан на судебную защиту. В опубликованном отчете вышеуказанной Комиссии Совета Европы

по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) отмечается, что в Азербайджане предпринимаются очень активные усилия по повышению профессионализма по электронному управлению судами [8, с. 235]. Так, недавно группа сотрудников Рабочей группы по созданию информационной системы «Электронный суд» в Азербайджанской Республике, работающих под руководством вице-президента Комиссии Совета Европы по эффективности правосудия (СЕРЕЈ), и одновременно заведующего отделом Института Права и прав человека НАН Азербайджана – Рамина Гурбанова, кардинально сменили всю компьютерную систему Бакинского Военного Суда. Все эти действия совершаются согласно Распоряжению главы государства, Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 13 февраля 2014 года «О создании информационной системы «Электронный суд», которое определило стратегические приоритеты в этой сфере.

Также в строящихся зданиях органов юстиции, особое внимание уделяется организации процесса работы в свете самых современных международных требований, упрощению возможностей обращения граждан в суды, создается вся необходимая инфраструктура для электронного документооборота, здания оснащаются самым современным информационно-коммуникационным оборудованием. В общественной зоне установлены специальные мониторы для получения информации о суде. В залах судебных заседаний смонтирована система «Фемида», ведущая аудио- и видеозаписи судебных процессов, создана вся необходимая инфраструктура для проведения видеоконференций и презентаций, электронного документооборота, установлены современные IP камеры безопасности. Залы судебных заседаний оснащены современным ИКТ-оборудованием, позволяющим получать показания свидетелей. Созданные условия позволяют также судьям и работникам суда напрямую подключаться к пленумам Верховного суда, а также заседаниям, совещаниям и собраниям Министерства юстиции. Следует отметить, что применение таких технологий на практике стало возможным благодаря разработке стратегии Единой информационной инфраструктуры судов. Этому предшествовало изучение опыта применения современных информационно-коммуникационных технологий в судах передовых стран [9].

Тем не менее, все вышеизложенное порождает вопрос о том, считать ли указанные положительные тенденции составной частью искусственного интеллекта, его развитием или чем-то иным. Ведь, если подходить к вопросу формально, искусственный интеллект – это всего лишь усложненная компьютерная программа. В Азербайджанской Республике существуют такие объекты в интеллектуальной собственности, как программы для ЭВМ и базы данных, которые регулируются гражданским законодательством. Распространяющиеся, постоянно уплотняющиеся компьютерные сети, аккумулированные воедино, отражают то, что мы начинаем понимать как энергетический потенциал глобальной коммуникационной сети, включающий в том числе Интернет, сетевую валюту вроде биткоина и т.д. Энергия данной сети представляет собой исторически новый потенциально всеобъемлющий охват социальной действительности. Таким образом, в эпоху глобальной коммуникации цифровая активность субъектов права становится практически непрерывной, более того, формирующиеся решения, базирующиеся на коммуникационной сети, могут влиять и на психоэмоциональное состояние человека. Можно предположить, что в следующем десятилетии в самых развитых странах мира все – от самоуправляемых автомобилей до военных роботов – станет обычным явлением. Открытым остается вопрос о том, кто непосредственно будет нести ответственность за реализованное в жизни неправильное решение, предложенное «искусственным интеллектом», и как регулировать возможности и степень ответственности роботов (искусственный интеллект) и их создателей [10, с. 321].

В ЕС первым шагом в направлении регулирования вопросов искусственного интеллекта стала Резолюция Европейского Парламента 2017 года под названием «Нормы гражданского права о робототехнике». Ещё в 2015 г. в Европейском Парламенте была создана рабочая группа по правовым вопросам, связанным с развитием робототехники и искусственного интеллекта в ЕС. Резолюция не является обязательным документом, но дает ряд рекомендаций Европейской Комиссии для возможных действий в этом направлении, причём не только касательно норм гражданского права, но и этических аспектов робототехники.

Резолюция определяет «умного робота» как робота, получающего автономию через использование сенсоров и (или) взаимосвязь с окружающей средой; при этом, робот имеет по меньшей мере минимальную физическую поддержку, адаптирует своё поведение и действия в соответствии с условиями среды, и у него отсутствует жизнь с биологической точки зрения. Предлагается создать систему регистрации продвинутых роботов, которая управлялась бы Агентством ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту. Данное агентство также предоставляло бы техническую, этическую и регулятивную экспертизу по робототехнике. В 2017-ом году Институт Ратенау опубликовал доклад «Права человека в Эпоху Робототехники», выполнив поручение данное Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ). В отчете отмечается, что робот может оказывать ряд неблагоприятных воздействий связанных с правами человека, на уважение личной жизни, а также на человеческое достоинство, собственность, безопасность и ответственность, свободу слова, за-

прет дискриминации, справедливость и правосудие. Например, в Европейском Союзе была распространена Декларация Искусственного Интеллекта Халдана для разработки совместной политики по этому вопросу, и было решено в 2019 году опубликовать и распространить издание руководства по этике искусственного интеллекта [11, с. 64].

Остроту проблеме придают и споры о возможности признания, либо непризнания искусственного интеллекта личностью. Ряд исследователей занимает следующую позицию: если прогресс электронных систем пойдет по предсказываемому пути развития, то технику можно будет охарактеризовать как мыслящего человекоподобного робота, что неминуемо повлечет изменение законов, для того чтобы охватить роль подобных систем в обществе. Они полагают, что правовой статус электронной системы с элементами искусственного интеллекта и совершенного автономного робота не может быть одинаковым. Последнего, по их мнению, можно без лишних колебаний признать полноценным киберсубъектом общества, но с той оговоркой, что подобный статус будет иметь различные по спектру прав и ответственности варианты, поскольку поставить в один ряд банкомат, систему «умный дом» и боевого робота не представляется возможным. Из этого ими делается вывод, что системы с искусственным интеллектом должны обладать определенным правовым статусом, который будет зависеть от функционала и иных особенностей конкретной системы [12, с. 200].

Сегодня разработана концепция закона о робототехнике, правовое положение искусственного интеллекта в которой сходно с правовым положением животных. Роботы не могут быть субъектами права ввиду отсутствия эмоций, однако они способны осуществлять автономные действия, как те же животные, и поэтому должны быть юридическими объектами и могут быть наделены правосубъектностью. Кроме того, принципиально необходимым является установление ответственности разработчиков робототехники, которая может причинить ущерб людям, а также создание единого международного реестра роботов [13].

Дабы обнаружить предпосылки к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью, ряд исследователей обращается к «Чистому учению о праве» Г. Кельзена, по которому субъект права выступает как индивидуализированное единство совокупности правовых норм, устанавливающих юридические обязанности и субъективные права, имеющие своим содержанием определенное поведение. Субъект права — не природная реальность, а конструкция, создаваемая для описания юридически значимых фактических составов [14, с. 212–219]. В этой связи, по их мнению, появляется возможность сформулировать понятие «электронное лицо» и в дальнейшем рассматривать его как субъект права, поскольку последнее является по существу совокупностью юридических обязанностей и прав, содержанием которых могут признаваться и действия искусственного интеллекта. Такой подход дает возможность определять «электронное лицо» как носителя искусственного интеллекта (будь то машина, робот, программа), обладающего разумом, аналогичным человеческому, способностью принимать осознанные и не основанные на заложенном создателем такой машины, робота, программы алгоритме решения и в силу этого наделенного определенными правами и обязанностями [12, с. 202].

Предложения по использованию термина «электронное лицо» и по наделению его правосубъектностью все чаще звучат в Европейском союзе. Интерес к теме подогревает комитет Европарламента по правовым вопросам. В разработанном им проекте доклада о статусе «электронного лица» указываются такие признаки «разумности» роботов, как умение анализировать данные; способность адаптировать свое поведение; наличие физической поддержки; приобретаемая посредством датчиков и контакта с окружающей средой автономия, а также возможность самообучения. По мнению его авторов, разработка средств, которые позволяют оценить уровни сознания искусственного интеллекта, обуславливает возможность постановки вопроса о его правах — на неотключение вопреки собственной воле; на широкий доступ к своему цифровому коду; на защиту своего цифрового кода от воздействия извне; на самостоятельное решение вопроса о копировании своего цифрового кода. В документе отмечается, что самые высокоразвитые и высокотехнологичные роботы должны приобрести статус электронного лица с присущей ему правосубъектностью, и применять этот статус следует всегда, когда роботы самостоятельно принимают волевые решения или каким-либо иным образом взаимодействуют с третьими лицами. Такие подходы прямо свидетельствуют о желании части общества рассматривать «электронное лицо» как реально действующее, поскольку на него возлагается та или иная обязанность, которую оно может исполнить либо нет [12, с. 201]. В этой связи возникает вопрос: на ком будет лежать ответственность за неисполнение данной обязанности? И здесь нет однозначной позиции.

Вопрос об ответственности будет возникать все чаще в связи с возрастающей автономностью роботизированных систем. Известны прецеденты, когда итог «принятия решения» в конкретной ситуации автономной системой повлек гибель людей. В частности, в США в ДТП, произошедшем в результате неправильной оценки ситуации автопилотом автомобиля марки Tesla, произошло столкновение автомобиля с фурой и погиб водитель, который не успел взять управление на себя [15]. В 2015 г. произошел инцидент в Германии

на автомобильном заводе Volkswagen: во время настройки рабочим роботизированной установки последняя вышла из строя, в результате чего специалист получил смертельные травмы, от которых впоследствии скончался [16].

В медицинском праве, когда говорится об ответственности искусственного интеллекта, многие врачи и юристы опасаются, что будет причинен вред здоровью. Какая в таком случае будет гражданско-правовая ответственность? В настоящий момент по действующему законодательству в случае причинения вреда здоровью ответственность несет медицинское учреждение. Поэтому по общим правилам, которые есть сейчас, в случае причинения вреда здоровью со стороны искусственного интеллекта, ответственность будет нести учреждение, где этот робот находится.

Другой вопрос, что делать, если робот привозной, запрограммированный в другом месте, а учреждение его лишь арендует? Такое явление распространено, например, в Великобритании, где очень активно распространяется применение искусственного интеллекта в хирургии с осуществлением типовых операций по поводу лечения некоторых раковых опухолей. Конечно, здесь возникает вопрос: каким образом будет регулироваться ответственность, будет ли отвечать собственник или арендодатель? В данном случае все зависит от условий договора – каждый случай рассматривается отдельно. Отдельно, как субъект права, робот пока не признается, но именно в этих положениях с учетом общих принципов гражданского права и с позиции медицинского законодательства такой вид ответственности в случае причинения вреда здоровью будет применен. Другие риски, которые, возможно, будут не такие глобальные, как привлечение к ответственности, потому что это наболелый вопрос у врачей даже без использования искусственного интеллекта. Рентгенологи начали опасаться, что вообще исчезнет их специальность, подобные опасения озвучивают и другие специалисты. Изначально, когда только начиналось обсуждение перспективы внедрения искусственного интеллекта, многие говорили о том, что без человека обойтись не удастся и врач всегда будет востребован.

Особенно остро рассматриваемый вопрос стоит в отношении экспертных технологий искусственного интеллекта, которые используются в медицине. Поскольку ежегодно в публикацию выходит огромное количество работ по медицине, практикующие врачи не могут освоить их все, в то время как современный уровень интеллектуальных систем позволяет с помощью алгоритмов ставить наиболее вероятные, с точки зрения накопленной и опубликованной человечеством информации, диагнозы и прописывать наиболее эффективное лечение. Но несет ли врач, пользующийся такой системой ответственность за неправильно назначенное лечение? С одной стороны, в отличие от искусственного интеллекта, он взаимодействует с пациентом и может оценить, будет ли лечение, назначенное экспертной системой, правильным, а также оценить правильность диагноза с точки зрения своего опыта, ведь любая машина может сломаться. С другой стороны, в случаях с тяжелобольными, возможность переложить ответственность за диагноз может быть позитивным решением для врача. Конечно же, в случае неверного диагноза ответственность ляжет и на конструктора искусственного интеллекта, ведь именно он выбирает архитектуру искусственного интеллекта и должен предугадать, если не все, то все наиболее вероятные варианты, предусмотреть, где в системе может произойти сбой из-за противоречивых данных или слишком большого объема информации. Это наиболее яркая, но далеко не единственная проблема, затрагивающая вопрос приписывания ответственности в искусственного интеллекта. Что касается самой экспертной системой, как мы увидели при анализе проблемы свободы и детерминизма, только сознательный субъект может быть предметом ответственности, а, поскольку слабые системы не обладают автономией, на них нельзя возложить ответственность.

В юриспруденции правосубъектность определяет то, что важно для общества, и позволяет решить, является ли «что-то» ценным и надлежащим объектом для обладания правами и обязанностями. Поэтому мы не можем, не отметить, что американским профессором Л. Соулумом уже были сформулированы тезисы, доказывающие правовую необоснованность признания того, что искусственный интеллект обладает статусом личности [7, с. 96]. Он полагает, что электронные системы, и даже системы с полным искусственным интеллектом, не могут рассматриваться в качестве аналогичных или тождественных людям существам. А также как пример приводит 14-ю поправку к Конституции США, согласно которой все личности, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах, будучи субъектами юрисдикции таковых, являются гражданами Соединенных Штатов. Таким образом, только люди могут рождаться, следовательно, искусственный интеллект не может обладать правами граждан. Мы полностью солидарны с таким мнением, поскольку сами полагаем, что искусственный интеллект не является носителем критически важных составляющих личности. Он лишен таких элементов, как душа, полностью свободное сознание, чувства, интенциональность и личные интересы [7, с. 7].

Выводы. При всем своем развитии и скорости обработки информации, в разы превосходящей даже потенциальные возможности человека, искусственный интеллект остается программой с привязанным к ней

материально-техническим обеспечением. Только человек ответствен за действия механизмов, подвергается проверке на прочность. Что же касается непосредственной ответственности искусственного интеллекта, то в нынешних правовых и социальных условиях вопрос о его гипотетической ответственности, носит типичный характер, поскольку меры юридической ответственности просто неприменимы к нему, например, элементарно невозможности искусственного интеллекта осознавать последствия своих вредных действий. Правовой аргумент может быть таковым: даже если искусственный интеллект может симулировать человеческий интеллект, он не будет обладать самосознанием, и следовательно искусственный интеллект никоим образом не может претендовать на особые фундаментальные права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Панов О.В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта. Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: ИИнтелЛ, 2006. С. 107–110.
2. Люгер Дж.Ф. Искусственный интеллект: Стратегии и методы решения сложных проблем: Пер. с англ. 4-е изд. М.: Вильямс, 2003. С.864
3. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. М.: Мир, 1980. С. 520
4. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2016. URL: <http://maxima-library.org/knigi/genre/b/335731?format=read>
5. Ясницкий Л.Н. Введение в искусственный интеллект: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2008. С. 176
6. Понкин И.В. Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисловие А.Б. Зеленцова / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки Веди, 2017. С. 728
7. Понкин И.В., Редькина А.И. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
8. Ж-П. Жан, р.А. Гурбанов. Европейская Комиссия по эффективности правосудия, Москва: Юнити-Дана, 2015. С. 331
9. «Судебные реформы Азербайджана уже получили международное признание, но мы не останавливаемся на достигнутом». URL: http://justice.gov.az/dec_top1.php (дата обращения: 12.10.20).
10. Ястребов О.А. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315–328.
11. Aşçıoğlu Öz, Gamze. Yeni dünyanın yeni hukuku. ÖDTÜLÜ. Ocak-Haziran 2018.
12. В.А. Шестаков, А.Г. Волеводз. Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197–206
13. Гришин Д. Закон о робототехнике URL: <https://echo.msk.ru/programs/tochka/1893198-echo>.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 542
15. Авария Tesla со смертельным исходом: кто виноват и что делать дальше? URL: <https://habr.com/ru/post/395735/> (дата обращения: 12.10.20).
16. Громов А., Тодоров В. Трагедия на заводе Volkswagen и еще четыре случая нападения роботов на людей. Газета.ru. 2 июля 2015. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/07/02_a_6864185.shtml (дата обращения: 12.10.20).